

Компенсация морального вреда при нарушении права на неприкосновенность частной жизни в англо-американской и отечественной правовой практике

*Измайлова Н.С.**

Компенсация морального вреда является способом гражданско-правовой защиты, предусмотренным только для случаев посягательства на нематериальные блага, принадлежащие гражданину. Именно этот способ должен представлять собой наиболее эффективную защиту нарушенного личного неимущественного права, в том числе права на неприкосновенность частной жизни, поскольку сам институт компенсации морального вреда специально создан, чтобы отвечать этим целям. Тем не менее судьба этого института в общем и особенности его применения к нарушениям права на неприкосновенность частной жизни в частности в англо-американской и отечественной правовой практике резко различаются.

В первом случае речь идет о богатейшем правовом опыте, накопленном Великобританией и США в отношении возмещения неимущественного вреда. Первые иски о возмещении вреда, причиненного угрозой физического насилия, клеветой, в Великобритании датируются серединой XIV века. Поступательное развитие концепции признания личных неимущественных прав, в том числе прайвеси (неприкосновенности частной жизни), позволяло все в большей степени привлекать для их защиты четко отлаженный веками судебный институт возмещения вреда. При этом отсутствие прямого имущественного ущерба не ставило суды в тупик, поскольку в данном случае признавалось, что вред причинен чувствам потерпевшего (*injury to feelings*)¹, признаваемым объектом правовой защиты. В конце XIX века извест-

* Измайлова Наталия Сергеевна – соискатель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД РФ, преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО (У) МИД РФ.

¹ Уоррен Сэмюэль (Samuel Warren), Брандейс Луис (Louis Brandeis). *The Right to Privacy*, 4 *Harvard Law Review*. P. 193–220 (1890). Цит. по: *Право на приватность*. Пер. Дунаев Н., Смирнов С. // <www.privacy.hro.org/docs>. Оригинальный текст <http://www.lawrence.edu/fast/boardmaw/Privacy_brand_warr2.html>

ные американские правоведы С. Уоррен и Л. Брандейс уже прямо называли компенсацию морального вреда одним из механизмов судебной защиты прайвеси².

В отечественной правовой практике долгое время наблюдалась практически обратная ситуация. Хотя институт возмещения вреда, причиненного чувствам потерпевшего, особенно в случае оскорбительных, позорящих действий, был известен отечественному праву еще со времен Русской Правды (IX век)³, его и без того медленное развитие было совершенно приостановлено в годы советской власти. Ситуация с непризнанием в советской гражданско-правовой доктрине самой возможности компенсации неимущественного вреда усугублялась отсутствием в ней понятия «право на неприкосновенность частной жизни». Лишь в 1990-х годах прошлого столетия в отечественное гражданское законодательство вошла норма о компенсации морального вреда⁴, которая была распространена на случаи нарушения права на неприкосновенность частной жизни только в действующем Гражданском кодексе РФ.

Компенсация морального вреда получила свое признание и закрепление в отечественном гражданском законодательстве. Некоторые авторы настолько высоко ставят возможности этого института для защиты права на неприкосновенность частной жизни, в частности ее тайн, что называют его «единственным способом защиты этих благ»⁵. Это, очевидно, преувеличение, однако оно лишь подчеркивает важность возмещения морального вреда как способа защиты приватности. Тем не менее практически механизмы компенсации морального вреда при нарушении права на неприкосновенность частной жизни в России существуют и развиваются лишь чуть более десяти лет, что во многом обуславливает серьезные проблемы их реального применения.

Наиболее актуальными с точки зрения практического применения представляются вопросы выявления оснований для возникновения

² Там же. С. 219.

³ См.: Русская Правда. Пространная редакция / Хрестоматия по истории государства и права России: Учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов. М., 2004.

⁴ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года. Ст. 131 / Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. Новые законы о предпринимательстве / Вступ. ст. А. Маковского, Е. Суханова. М., 1991.

⁵ Пешкова О.А. Нематериальные блага и их защита / Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни: Сборник научных трудов / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД России. 1999. Ч. 2. С. 182.

права на компенсацию морального вреда в случае нарушения права на неприкосновенность частной жизни (условий деликтной ответственности) и критериев определения размеров компенсации.

В законодательстве, судебной практике и научной доктрине рассматриваемых стран подход к содержанию условий возникновения деликтной ответственности и их перечню может значительно различаться в связи с существованием в англо-американском и российском праве различных деликтных систем, однако в общем виде их можно представить следующим образом.

1. Совершение правонарушителем действий, неправомерно ограничивающих или умаляющих право пострадавшего;
2. Наличие негативных последствий этих действий для пострадавшего, то есть вреда;
3. Причинно-следственная связь (разумная предвидимость) наступления таких негативных последствий в результате совершения таких действий;
4. Вина причинителя вреда.

Общее правило о компенсации морального вреда закреплено в статье 151 части 1 ГК РФ: если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права, <...> суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Из определения вытекает первое основание компенсации морального вреда – совершение правонарушителем определенных действий в отношении потерпевшего. Здесь сразу следует сделать два важных замечания. Во-первых, представляется, что речь должна идти как о действиях, так и о неправомерном бездействии (несовершении необходимых действий). Например, одним из достаточно распространенных нарушений прайвеси в Великобритании и США считается непредоставление (умалчивание, сокрытие) государственными органами сведений частного характера субъекту этих сведений в случае, когда такое право у него существовало, даже если он об этом не знал⁶. В данном случае право на неприкосновенность частной жизни конкретизируется правом каждого на доступ к информации о своей частной жизни, в том числе к своим персональным данным. Очевидно, что бездействие

⁶ См., напр.: Глэдвелл Д. О праве на доступ к информации в Великобритании / Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни: Сборник научных трудов. Ч. 1. С. 19–25.

властей в форме, например, непредоставления сведений лицу, воспитывавшемуся в детском доме, о том, что у него есть брат или сестра (о чем он не мог знать, хотя имел такое право), является нарушением его информационной приватности и порождает основание для компенсации. Отечественные исследователи также прямо указывают на то, что основанием компенсации являются как действия, так и бездействие причинителя вреда⁷.

Вторым уточняющим фактором является то, что действия (бездействие) причинителя вреда должны носить неправомерный (противоправный) характер. Это положение отсутствует в статье 151 ГК РФ, однако подразумевается согласно общим принципам права и особо подчеркивается в работах отечественных правоведов⁸. Противоправность, согласно российскому законодательству, презюмируется, а ее отсутствие должно быть доказано ответчиком. В англо-американском праве, напротив, бремя доказывания противоправности возложено на истца.

Возможно выявление дополнительных требований к действиям (бездействию), способных служить основанием для компенсации морального вреда в случае нарушения отдельных аспектов права на неприкосновенность частной жизни. Рассмотрим такую возможность на примере распространения сведений, составляющих личную или семейную тайну. В данном случае разумным представляется в качестве дополнительных оснований предъявлять следующие требования к совершенным действиям:

– сведения действительно должны быть распространены, то есть сообщены по крайней мере еще одному лицу, не считая потерпевшего (в английском праве, кроме того, распространением не признается сообщение таких сведений одним из супругов другому⁹);

– распространенные сведения должны относиться к потерпевшему (то есть некий усредненный здравомыслящий человек, осведомленный об особых обстоятельствах дела, счел бы эти сведения относящимися к потерпевшему. Этот принцип применяется в судах Великобритании и является вопросом факта, решаемым присяжными¹⁰);

⁷ См., напр.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 2000. С. 83, 85.

⁸ См.: Эрделевский А.М. Указ. соч. С. 83, 85–86; Гушин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред (теоретико-правовой анализ). СПб., 2002. С. 127–128.

⁹ Owen R., Tort. L. 1994. P. 141.

¹⁰ Ibid. P. 139.

– распространенные сведения должны носить конфиденциальный характер (быть неизвестными хотя бы одному лицу из тех, кому они были сообщены);

– распространенные сведения должны соответствовать действительности, т.е. носить достоверный характер (в противном случае речь идет о другом правонарушении – клевете, или диффамации).

Установление таких дополнительных требований возможно в отношении прочих действий (бездействия), служащих основанием для компенсации морального вреда при нарушении других аспектов права на неприкосновенность частной жизни.

Вторым основанием для компенсации является наличие негативных последствий неправомερных действий в форме морального вреда. Этот вопрос обнаруживает при изучении определенные сложности. Они связаны прежде всего с самим понятием морального вреда.

В ГК РФ моральный вред понимается как «физические или нравственные страдания». И сам термин, и такое его объяснение нельзя признать удачным для раскрытия данного понятия. В русском языке понятия «моральный» и «нравственный» являются синонимами. Поэтому справедливым можно признать замечание некоторых исследователей о том, что более точно было бы использовать в законодательстве термин «неимущественный вред»¹¹ или «психический вред»¹².

Так как это понятие для отечественной правовой доктрины является заимствованным, обратимся к англосаксонскому праву. Исторически возникшее название *injury to feelings* (вред чувствам) отражает основу этого понятия: вред заключается прежде всего в негативных психологических переживаниях лица, они первичны по отношению к физическим страданиям. Используемая в настоящее время англоязычная терминология в отношении данного вида вреда подчеркивает этот момент: *psychological injury* (психический, психологический вред), *psychiatric injury* (психиатрический вред), *nervous shock* (нервное потрясение), *mental sufferings* (нравственные страдания). Это особенно очевидно при нарушении права на неприкосновенность частной жизни, так как нарушения такого рода прежде всего ведут к нравственным страданиям, состоянию душевного беспокойства, дискомфорта. Именно это состояние впоследствии может привести к физическим страданиям: потерпевший

¹¹ См.: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ-Пресс, 2000. С. 48.

¹² Эрделевский А.М. Указ. соч. С. 5.

начинает испытывать головные, сердечные боли, у него нарушается кровяное давление, сон и т.д. Поэтому при определении морального вреда в ГК РФ удачнее было бы использовать не взаимоисключающую альтернативу «физические или нравственные страдания», а сочетание: «нравственные и/или физические страдания».

Сложность выявления морального вреда состоит в том, что психические переживания – категория субъективная и их непросто доказать. Нарушение одного и того же аспекта права на неприкосновенность частной жизни может вызвать нравственные страдания различной глубины в зависимости от особенностей психики потерпевшего. Один человек отреагирует на разглашение его личной тайны затяжной бессонницей и депрессией, другой встретит это же известие со спартанским спокойствием, третий будет скрывать свои переживания под маской выдержанности и самоконтроля. Значит ли это, что право на компенсацию получает лишь тот, кто может доказать проявления страданий?

В английских и американских судах в этом вопросе принят следующий подход. В случае совершения неправомерных действий по умыслу или грубой неосторожности потерпевшему нет необходимости доказывать наличие у него диагностируемого телесного или психического расстройства как последствия эмоционального беспокойства. В американской судебной практике это же относится к нарушениям, объект которых – право на неприкосновенность частной жизни. При нарушениях права на неприкосновенность частной жизни основания для компенсации возникают даже в том случае, если единственным последствием правонарушения было эмоциональное беспокойство (*emotional disturbance*). Такое правило прямо действует в США¹³, точно такая же тенденция прослеживается в судебной практике Великобритании¹⁴.

Наличие эмоционального беспокойства также не требуется доказывать. Английские и американские суды исходят из принципа, что действие причинителя вреда должно быть таким, чтобы вызвать подобную реакцию у человека с нормальной психикой. В приведенном нами выше примере с разглашением личной тайны английский или американский судья, чтобы определить наличие или отсутствие морального вреда, должен для себя ответить на вопрос: является ли такое разглашение поводом для возникновения негативных психологических переживаний у человека с нормальной психикой?

¹³ Barton W. *Recovering for Psychological Injuries*. Wash., 1990. P. 58.

¹⁴ Napier M., Wheat K. *Recovering Damages for Psychiatric Injury*. L., 1995. P. 59.

В отечественной правовой доктрине этот подход находит одобрение. Исследователи говорят о необходимости презумпции наличия морального вреда, а бремя доказывания обратного (например, что пострадавший в силу слабоумия не мог испытать переживаний вследствие разглашения его личной тайны) предлагают возложить на нарушителя¹⁵. В настоящее время применение принципа презумпции морального вреда прямо не вытекает из российского законодательства, однако обзор практики показывает¹⁶, что суды фактически применяют его, хотя в ряде случаев встречается назначение экспертизы для установления факта его наличия.

В случае нарушения права на неприкосновенность частной жизни у потерпевшего в Великобритании и США возникает больше оснований для компенсации морального вреда, чем в случае нарушения ряда других личных неимущественных прав, особенно это относится к правонарушениям, совершенным по неосторожности. Такой подход представляется вполне оправданным. Во-первых, он обусловлен самим характером нарушаемого блага. Это возвышает важность права на неприкосновенность частной жизни в сопоставлении с некоторыми другими личными неимущественными правами (например, с авторскими правами). Во-вторых, нарушения права на неприкосновенность частной жизни носят виновный характер, причем в форме умысла или грубой неосторожности. Это обстоятельство всегда усиливает страдания потерпевшего, ведь оно подразумевает волю нарушителя к наступлению у потерпевшего негативных психологических последствий.

Третьим основанием компенсации морального вреда за нарушение права на неприкосновенность частной жизни является причинно-следственная связь между поведением нарушителя и возникшим в результате этого у пострадавшего моральным вредом. В английском и американском праве на правила о причинно-следственной связи влияет форма вины. При умышленном причинении вреда (*intentional tort*) в судебной практике применяется следующее правило: если определенный результат мыслился как желаемый, он с точки зрения причинно-следственной связи никогда не может быть сочтен слишком отдаленным.

В отношении нарушений права на неприкосновенность частной жизни, совершенных по неосторожности (*negligent tort*), принцип

¹⁵ См.: Эрделевский А.М. Указ.соч. С. 84; Гушин Д.И. Указ.соч. С. 126–127.

¹⁶ См.: Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания. М., 1997. С. 40–56.

отдаленности вреда означает, что основания возникновения деликтной ответственности имеют место только в случае, если страдания потерпевшего являются прямым последствием действий (бездействия) нарушителя либо предвидимым последствием, когда они возникают опосредованно. Предвидимость вреда в случае его опосредованного характера подразумевает, что разумный человек может предполагать возникновение у потерпевшего вреда в результате определенного поведения правонарушителя. В английской правовой доктрине в этом случае говорят о существовании у причинителя вреда обязанности соблюдения необходимой осторожности по отношению к потерпевшему¹⁷.

Поясним принципы отдаленности и предвидимости морального вреда на примере. Ответчик посылает по почте истцу незапечатанное письмо, содержащее сведения о частной жизни последнего. Письмо оказывается прочитанным не в меру любопытным дворецким истца, в результате чего происходит нарушение семейной тайны. В данном случае истец не имеет оснований для компенсации морального вреда со стороны ответчика, так как моральный вред слишком отдаленный. То есть, с одной стороны, нарушение семейной тайны и возникшие в связи с этим страдания не являются прямым следствием посылки письма ответчиком. С другой стороны, разумный человек, хотя и счел бы легкомысленным со стороны ответчика не запечатать конверт, не мог предвидеть, что чей-либо дворецкий прочтет личное письмо своего хозяина, так как это не входит в круг его обязанностей.

Тем не менее в похожем случае, когда подобное письмо было вскрыто и прочитано мужем истицы, в связи с внешним сходством конверта ошибочно принявшим его за предвыборную агитацию, основание для компенсации морального вреда у истицы возникает. Хотя понесенный ею моральный вред не является прямым следствием посылки письма ответчиком, разумный человек мог предвидеть, что конверт из-за своего внешнего облика может быть принят не за то, чем он на самом деле является, а потому вскрыт другим лицом. В данном случае моральный вред не является слишком отдаленным. Похожие дела рассматривались в судах Великобритании и были решены подобным образом¹⁸.

В российской правовой доктрине подход к наличию причинно-следственной связи между правонарушением и наступившим моральным вредом одинаков как в случае умысла, так и в случае неосторож-

¹⁷ Napier M., Wheat K. Op. cit. P. 6.

¹⁸ См.: Napier M., Wheat K. Op. cit. P. 141

ности. Причинно-следственная связь поясняется следующим образом: противоправное действие должно быть необходимым условием наступления страданий и его главной причиной. Одни исследователи полагают, что для существования причинно-следственной связи поведение нарушителя должно с неизбежностью повлечь причинение морального вреда¹⁹; другие отмечают, что достаточно, чтобы оно хотя бы обусловило конкретную возможность его наступления²⁰.

Четвертым основанием возникновения права на компенсацию за нарушение неприкосновенности частной жизни является наличие вины нарушителя. Согласно российскому законодательству, вина причинителя вреда презюмируется, а бремя доказывания ее отсутствия лежит на ответчике. Форма вины не имеет значения для наступления ответственности, но учитывается при определении размера компенсации морального вреда.

В англо-американском праве вина не презюмируется, и ее наличие в действиях ответчика должно быть доказано истцом. Вина делится на умысел (*intent*), безрассудность, или грубую неосторожность (*recklessness, gross negligence*), и неосторожность (*negligence*). Человек действует с умыслом, если он намерен причинить определенное последствие (*the purpose of producing a specific consequence*) или знает с определенной вероятностью, что его действие приведет к определенному последствию (*knowledge to a substantial certainty*). Именно поэтому при умышленном причинении вреда фактически отпадает необходимость доказывать наличие причинно-следственной связи. Если определенный результат желаем нарушителем, он не может быть слишком отдаленным. К умыслу близко примыкает безрассудность, или грубая неосторожность²¹. Нарушитель действует безрассудно, если знает, что существует высокий риск причинения вреда определенным поведением, но относится к этому риску опрометчиво. Важно, что если безрассудность или умысел являются элементом определенного деликта (например, умысел при незаконном лишении свободы, нарушении спокойствия), то при отсутствии данного требования нет самого деликта.

¹⁹ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда... С. 86.

²⁰ Гушин Д.И. Указ. соч. С. 128; Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 2. Л., 1978. С. 149.

²¹ Также встречаются названия *wilful misconduct* (преднамеренное нарушение), *wanton misconduct* (безответственное нарушение), *aggravated misconduct* (отягчающее нарушение). См.: Осаке К. Сравнительное правоведение. М., 2002. С. 336.

В свою очередь неосторожность предполагает обязанность причинителя вреда соблюдать необходимую осторожность (осмотрительность) по отношению к потерпевшему. Правонарушитель действует неосторожно, если не проявляет разумную осмотрительность, которая требуется совокупностью обстоятельств данной ситуации. Наличие причинной связи, как уже отмечалось, является при неосторожности принципиальным моментом, доказывание которого, как и в российском праве, возлагается на истца.

Кроме решения вопроса о причинно-следственной связи и определения размера компенсации морального вреда, форма вины при деликте в англо-американском праве влияет также на срок исковой давности и основания освобождения от ответственности.

Следующий вопрос, актуальный для практического применения института компенсации морального вреда при нарушении права на неприкосновенность частной жизни, связан с возможным размером этой компенсации. Вопрос этот довольно непростой, поскольку, конечно, страдания нельзя измерить в денежном выражении. Речь здесь должна идти о том, что денежное возмещение в данном случае является способом защиты нарушенного права, поскольку приносит пострадавшей стороне некое моральное удовлетворение, хотя и не восстановит, например, конфиденциального характера частной жизни, если таковой был нарушен. Проблема в том, насколько большой должна быть денежная сумма для достижения морального удовлетворения потерпевшим. Ведь каждое лицо оценивает свои страдания субъективно, что осложняет их беспристрастную оценку. В этой связи уместно вспомнить хрестоматийное высказывание из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, где мысль о юридической сложности оценки морального вреда изложена простым и доступным языком: «Положим, я, например, глубоко могу страдать, но другой ведь никогда не может узнать, до какой степени я страдаю, потому что он другой, а не я»²².

Относительно определения размера денежной компенсации в Великобритании и США можно отметить следующие характерные особенности. Во-первых, это отсутствие детального законодательного регулирования. Это обстоятельство объясняется наличием в указанных странах прецедентной системы права, что обуславливает определяющую роль судебной практики и доктринального толкования в определении размеров компенсации. При определении размеров компенсации

²² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1991. С. 307.

в расчет принимаются также индивидуальные особенности психики потерпевшего. В частности, люди с повышенной психической восприимчивостью пользуются дополнительной защитой. В английской и американской судебной практике, если человек в силу особенностей нервной системы испытал в результате совершенного по отношению к нему правонарушения большую психологическую травму, чем «среднестатистический» потерпевший, ему должен быть компенсирован повышенный психический вред²³.

Опора на прецедентную систему права значительно облегчает решение великобританским или американским судом вопроса о компенсации морального вреда в каждом конкретном случае. В России же скудность законодательного регулирования и судебной практики в этом вопросе создает необходимость для выявления объективных критериев оценки морального вреда.

Другая характерная особенность – это явно прослеживающаяся в судебной практике Великобритании и США тенденция к упорядочению системы определения размеров компенсации, особенно в отношении причинения вреда уголовным преступлением. В отношении преступлений, совершенных по неосторожности (которые, хотя и реже, но все же встречаются при нарушениях прайвеси), определение размера компенсации морального вреда в англосаксонском праве формально не упорядочено ввиду казуистичности оснований ответственности. Тем не менее необходимость подчиняться прецедентам фактически приводит к тому, что судья принимает во внимание размер компенсации морального вреда, присужденный ранее в сходном деле.

В отношении умышленно совершенных уголовных преступлений, в том числе против прайвеси, тенденция к упорядочению прослеживается в значительно большей степени. Показателен в этом отношении опыт Великобритании (в США вопросы компенсации морального вреда регулируются не на федеральном уровне, а на уровне штатов, поэтому упорядочиванию системы определения размеров компенсации мешают довольно существенные различия в этом вопросе в зависимости от правовой системы конкретного штата). Еще в 1960-х годах прошлого столетия в Великобритании была создана Комиссия по вопросам компенсации вреда, причиненного преступлением, которая разрабатывает постоянно модифицируемую Тарифную схему компенсаций.

²³ Napier M., Wheat K. Op. cit. P. 14–16.

В Тарифной схеме подробно описаны условия выплаты компенсации. Принципом ее применения является рассмотрение каждого заявления на основе фактических обстоятельств конкретного дела. Претендовать на выплату по этой схеме вправе заявитель, претерпевший психический или физический вред, прямо связанный с насильственным или угрожающим насилием преступлением, причем ключевым моментом для квалификации деяния как преступного является его субъективная сторона (умысел или грубая неосторожность), а не действительный размер ущерба.

Поскольку нарушение права на неприкосновенность частной жизни в результате преступления (например, незаконного лишения свободы передвижения, включая незаконное заключение под стражу) прежде всего связано с психическим вредом, потерпевший приобретает право на компенсацию по схеме, только если психический вред прямо связан с преступлением, то есть данное преступное деяние должно быть главной, хотя, может быть, и не единственной причиной возникновения этого вреда. По схеме компенсируется не любое психическое неблагополучие, а только «лишающее жизненной активности»²⁴, то есть такое расстройство психики, при котором психические и (или) физические проявления расстройства и утрата жизненной активности продолжаются более шести недель с момента происшествия. Психический вред, в свою очередь, должен выражаться в виде шока, под которым понимаются стресс, депрессия и подобные заболевания, проявляющиеся в беспокойстве, напряжении, бессоннице, возбуждении, чувстве неуверенности, постоянном чувстве вины, возникновении мысли о самоубийстве и т.д. Все виды вреда разбиты на группы в зависимости от степени тяжести психического расстройства (его продолжительности) с единым размером компенсации в каждой группе.

В российской науке права идея разработки единой методики определения размера компенсации морального вреда пользуется популярностью. Это объясняется в первую очередь отсутствием как точно сформулированных критериев и общего метода оценки размера компенсации в законодательстве, так и скудностью правоприменительной практики по этому вопросу. Фактически это означает, что российским судам не на что опираться при определении размера компенсации морального вреда, в том числе за нарушение права на неприкосновенность частной жизни.

²⁴ Napier M., Wheat K. Op. cit. P. 75.

Разработка таких методик ведется с опорой как на зарубежный, в том числе великобританский, метод оценки, так и на указанные в ГК РФ критерии, подлежащие учету судом при определении размеров компенсации морального вреда. Они перечислены в статьях 151 и 1101 ГК РФ и включают: степень вины нарушителя; степень и характер физических и нравственных страданий с учетом фактических обстоятельств и индивидуальных особенностей потерпевшего; требования разумности и справедливости; иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Форма вины в действиях нарушителя играет определяющую роль. Поскольку, как мы уже отмечали, нарушения права на неприкосновенность частной жизни происходят в большинстве случаев умышленно или по грубой неосторожности, этот фактор является повышающим степень ответственности и размер компенсации.

В отношении степени (то есть глубины) страданий и их характера (то есть формы их выражения) характерно применение законодателем формулировки об учете индивидуальных особенностей потерпевшего. В этом смысле подход российского права сближается с точкой зрения американского и великобританского. Поскольку страдания – это и есть нанесенный моральный вред, их степень и характер должны быть решающими при определении размера компенсации. При раскрытии этого критерия отечественные правоведы используют подход англо-американских судов, ставя в основу критерия страдания «среднего» человека с нормальной психикой (в некоторых трудах они получили название «презюмируемый моральный вред»²⁵).

Требования разумности и справедливости при определении размера компенсации чем-то схожи с требованиями права справедливости (equity) в Великобритании и США, которые позволяют судам проявлять большую гибкость и обходить жесткие статутные нормы. Приводя пример практического воплощения этой формулировки, российские исследователи отмечают, что разумно и справедливо оценивать характер нарушенного блага и его ценность в соотношении с другими правовыми благами²⁶. Очевидно, имеется в виду природа нарушенного блага, и такой подход аналогичен подходу американских судов, которые распространяют на фундаментальные, конституционные права (в том числе право на неприкосновенность частной жизни) большую

²⁵ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда... С. 188.

²⁶ Там же. С. 191.

правовую защиту (то есть более высокие суммы компенсации), нежели на иные личные неимущественные права, о чем говорилось выше.

На соотношении ценности нарушаемых правовых благ основана наиболее популярная в нашей стране в настоящее время методика оценки размера компенсации морального вреда, разработанная одним из ведущих специалистов по данной тематике А.М. Эрделевским²⁷. Он ввел понятие «базисный уровень размера компенсации», соответствующий единице, для страданий, испытываемых потерпевшим при причинении тяжкого вреда здоровью, и выстроил таблицу определения размера компенсации относительно иных правонарушений, с использованием понижающего или повышающего коэффициента.

К сожалению, нельзя согласиться с автором в оценке важности права на неприкосновенность частной жизни и недопустимости его произвольного нарушения. Нарушение неприкосновенности частной жизни (здесь под этим понимается нарушение ее конфиденциального характера) получило в ней один из самых низких коэффициентов – 0,03. То же самое относится к другим составляющим приватности в широком смысле слова: нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений – 0,03; нарушение неприкосновенности жилища и того меньше – 0,025. Исключениями можно признать лишь незаконное заключение под стражу (0,04 за один день), иное незаконное ограничение свободы (0,01 за один день), разглашение тайны усыновления и искусственного оплодотворения (0,20). В последнем случае использование более высокого коэффициента автор объясняет тем, что данное правонарушение «вызывает последствия, имеющие необратимый характер, и ставит семейные связи под угрозу на неопределенно долгое время»²⁸.

Очевидно, что необратимые для потерпевшего последствия может иметь разглашение не только тайны усыновления и искусственного оплодотворения, но и иных личных и семейных тайн, а также нарушение иных аспектов права на неприкосновенность частной жизни. Впрочем, при назначении коэффициентов А.М. Эрделевский опирается не только на собственную оценку глубины страданий, но и на тяжесть уголовного наказания за одноименные преступления, что, по его мнению, создает основания для относительно объективной оценки. Так что столь невысокая оценка страданий при нарушении права на неприкосно-

²⁷ Там же. С. 185–209.

²⁸ Там же. С. 197.

венность частной жизни в данном случае обусловлена квалификацией данного правонарушения по тяжести в УК РФ, если оно образует состав преступления.

Окончательная формула расчета размера компенсации по А.М. Эрделевскому включает, помимо величины презюмируемого морально-го вреда, указанные в ГК РФ критерии (степень вины причинителя вреда, индивидуальные особенности потерпевшего, фактические обстоятельства причинения вреда). Кроме того, в качестве упомянутых в статье 151 ГК РФ «иных заслуживающих внимания обстоятельств» А.М. Эрделевский использует еще два критерия: степень вины потерпевшего и имущественное положение причинителя вреда.

А.М. Эрделевский выделяет и особые фактические обстоятельства, связанные с нарушениями различных аспектов права на неприкосновенность частной жизни. Так, в отношении разглашения различного рода тайн (профессиональных, личных, семейных) в качестве существенного фактического обстоятельства называется характер разглашаемых сведений и вызванные таким разглашением последствия (например, при нарушении врачебной тайны это характер заболевания пациента и возможные последствия – распад семьи, увольнение с работы, необходимость перемены места жительства), а также широта круга лиц, ставших или могущих стать осведомленными об этих сведениях²⁹. Справедливость этих замечаний очевидна, однако представляется, что они не могут иметь решающего значения для определения размера компенсации, так как потерпевшему может быть нанесен сильнейший моральный вред от самого факта разглашения, независимо от того, наступили в отношении него указанные негативные последствия или нет.

Несмотря на ряд очевидных достоинств модели А.М. Эрделевского (в частности, широта охвата различных критериев, влияющих на размер компенсации морального вреда), руководствуясь ею, вряд ли допустимо рассчитывать на значительную сумму компенсации при нарушении права на неприкосновенность частной жизни. Не совсем корректным нам представляется подход, при котором презюмируемый моральный вред оценивается в соответствии со степенью тяжести соответствующего преступления, предусмотренного УК РФ. В Уголовном кодексе преступления квалифицируются по тяжести в зависимости от их социальной опасности, при этом чувства потерпевшего не играют такой

²⁹ Там же. С. 205.

же решающей роли при назначении наказания, как при компенсации морального вреда. Действительно, для кого-то нанесение побоев может причинить меньшие нравственные страдания, нежели разглашение его личной тайны, хотя с точки зрения уголовного права первое правонарушение тяжелее второго. Поэтому презюмируемый моральный вред не следует рассчитывать в опоре на квалификацию такого же или схожего преступления по Уголовному кодексу.

В связи с этим представляется более целесообразным при расчете величины морального вреда опираться на опыт Великобритании. Как упоминалось выше, при составлении Тарифной схемы в Великобритании во главу угла ставится не фактическая тяжесть совершенного преступления, а тяжесть наступивших последствий. Это совершенно оправданно, так как компенсация морального вреда как институт гражданско-правовой защиты должна определяться именно в зависимости от величины этого вреда, то есть от тяжести и длительности наступивших страданий. Таким образом, хотя применение всевозможных формул и моделей для вычисления суммы компенсации морального вреда само по себе не является бесспорным³⁰, подход, при котором прежде всего учитываются степень и тяжесть страданий потерпевшего, как представляется, более соответствует сути понятия «моральный вред» и в большей степени отвечает интересам защиты нарушенного права.

³⁰ В частности, английские правоведы подвергают критике Тарифную схему в ее современном виде. См.: Napier M., Wheat K. *Op. cit.* P. 75.

Recovering for Psychological Injuries by Invasion of Privacy in Anglo-American and Russian Legal Practice (Summary)

*Natalia S. Izmailova**

Recovering damages for psychological injuries is a special means of legal relief in case of violation of personal non-proprietary rights. Invasion of privacy is one of torts for which such a relief can be sought. However, the character of its application differs from country to country, which can be seen on the example of Anglo-American and Russian legal practice.

Extensive practice of recovering damages for psychological injuries by invasion of privacy in Great Britain and USA has developed due to long-established system of precedents in this field. In contrast, Russia lacks the appropriate experience and thus must apply to foreign expertise in this matter.

From the point of practical legal application of recovering damages for psychological injuries by invasion of privacy two essential issues concern the grounds for recovery and the criteria for defining the amount of the damages sought. The article deals with detailed analysis of these issues relating to Anglo-American and Russian experience and contains recommendations that may promote more successful application of recovering damages for psychological injuries by invasion of privacy in Russian domestic legal practice.

* Natalia S. Izmailova – post-graduate student of the Chair of International private and civil law; lecturer of the Chair of English language No. 3, MGIMO-University MFA Russia.